

ПРЕДИСЛОВИЕ

К изданию «Воспоминаний террориста»
1928 года

Воспоминания Савинкова... Воспоминания человека, который от марксизма перебрался к «традициям» «Народной воли», притом в его узком понимании этой партии, как воплощения идеи террористической борьбы. Благодаря такому пониманию стал социалистом-революционером, причем, будучи членом этой партии, признавал только боевую организацию, только боевые действия... А затем с этого «чалого коня» перешел на «белого», затем на «вороного», чтобы в конце своего жизненного пути вновь ударить себя в грудь и публично заявить: «Я ошибался».

Ошибался ли он? Личная ли это ошибка или неизбежное истеричное шатание из стороны в сторону представителя мелкобуржуазной среды, того класса, который обречен на гибель в великой борьбе труда с капиталом и в поисках спасения мечущегося и перекидывающегося то на сторону труда, то на сторону капитала?

Савинков типичен для этой среды. На мрачном фоне самодержавно-феодального строя он если не объективно, то субъективно революционер, но «революционер» особенный, «революционер», просмотревший первые громы революции, не понимавший движения масс, не влившийся в массы, противопоставлявший единичный

террор движению масс, видевший возможность победы только путем террора, возводивший террор в принцип и ради осуществления террористического акта готовый поступиться всем — и партией, и ее программой, и даже тем, что считал своим «святая святых», — патриотизмом.

Весьма характерен следующий маленький отрывок из воспоминаний.

Член финской партии Активного сопротивления журналист Жонни Циллиакус сообщил Центральному комитету (партии с.-р.), «что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров (!) в размере миллиона франков, причем американцы ставят условием, чтобы деньги эти, во-первых, пошли на вооружение народа и, во-вторых, были распределены между всеми революционными партиями без различия программ».

К этому сообщению в выноске Савинков добавляет: «Впоследствии в «Новом времени» появилось известие, что пожертвование это было сделано не американцами, а японским правительством. Жонни Циллиакус опровергал это, и Центральный комитет не имел оснований отнестись с недоверием к его словам». И только... Сам Савинков, с пеной у рта кликушествовавший вместе со своими соратниками о «германских деньгах», причем весь этот навет был сознательно ими сочинен, по поводу этого миллиона франков даже не побеспокоился проверить, чем, в самом деле, обусловлена эта щедрость американцев, ныне, как известно, отпускающих миллионы на поддержку не русского народа, а Романовых.

Это лишь один, но очень характерный штрих... «Всё для террора» — вот савинковское знамя первого периода его деятельности. Всё на благо, что на потребу боевой организации. Максималисты и анархисты — раз они «за

бомбу» — желанные члены этой организации. С программой партии можно не соглашаться, идейно можно расходиться, достаточно признавать бомбу — вот идеология савинковых.

И неудивительно, что, когда грянули громы первой революции, когда в бой двинулись массы, савинковы должны были оказаться не у дел; их не менее, чем тех, против которых они боролись, запугало это выступление масс, и они, отвергнутые историей, не понимая грандиозности происшедшего сдвига, предались «самоанализу», перебросятся на ту сторону баррикад, скатываясь по наклонной плоскости всё глубже и глубже в грязную пропасть белогвардейщины.

Печатаемые ныне «Воспоминания» Савинкова относятся к первому «героическому» периоду его деятельности. Но они написаны значительно позже, уже тогда, когда Савинков окончательно перешел в стан «ликующих, праздно болтающих, обагрывающих руки в крови». При чтении его «Воспоминаний» это необходимо иметь в виду и ко многим его характеристикам относиться критически. Во многих случаях Савинков наделяет описываемых им лиц своими личными чертами.

О Каляеве он говорит: «К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву. Он не отрицал, конечно, значения мирной работы и с интересом следил за ее развитием, но террор он ставил во главу угла революции. С.-р. без бомбы уже не с.-р.». (Подчеркнуто мной. — Ф.К.)

Перейдем к другим.

Дора Бриллиант. «Террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист. Вопросы программы ее не интересовали.

Террор для нее олицетворял революцию и весь мир был замкнут в боевой организации».

Егор Сазонов. (В других источниках — Созонов.) «Для него террор тоже прежде всего был личной жертвой, подвигом». Сазонова наделить личными чертами Савинкова труднее. Ему нельзя, как Доре Бриллиант, вложить в уста слова: «Я должен умереть». Поэтому Савинков признает: «Революционер старого, народо-вольческого, крепкого закала, Сазонов не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему “не убий”». Но хотя эти вопросы и бледнели, но не для Савинкова. «Скажите, — спрашивает он Сазонова, — как вы думаете, что будем мы чувствовать после... после убийства?» — «Гордость и радость», — не задумываясь ответил Сазонов. — «Только?» — «Конечно, только». Савинков на этом успокоиться не может и добавляет: «Сазонов впоследствии мне написал с каторги: “Сознание греха никогда не покидало меня”». Уже в этом отрывке «достоевщина», присущая Савинкову, четко выступает наружу. Но это цветочки, а вот и ягодки. «В момент убийства великого князя Сергея Дора (Бриллиант) наклонилась ко мне и, не в силах более удерживать слезы, зарыдала. Всё ее тело сотрясали глухие рыдания. Я старался ее успокоить, но она плакала еще громче и повторяла: “Это мы его убили... Я его убила... Я...” — “Кого?” — переспросил я, думая, что она говорит о Каляеве. “Великого князя...”»

А вот Леонтьева. «Она, — сообщает Савинков, — участвовала в терроре с тем чувством, которое жило в Сазонове, — с радостным сознанием большой и светлой жертвы».

Еще характернее в освещении Савинкова Беневская, верующая христианка, ради спасения души признававшая террор.

Таких характеристик у Савинкова многое множество. И конечно, они неверны. Савинков, кого может, наделяет своими чертами периода своего упадка. Кого может. Но может не всех. Савинковских черт не приписать соромовскому рабочему Назарову, который на все вопросы Савинкова заявил: «По-моему, нужно бомбой их всех. Нету правды на свете. Вот во время восстаний сколько народу убили, дети по миру бродят... Неужели еще терпеть? Ну, и терпи, если хочешь, а я не могу...»

Назаровы могут ошибаться, но, даже идя по ложному пути, они ничего общего с савинковщиной не имеют, им ее не привить. Но, приписывая свои черты определенным лицам и этим греша против этих лиц, Савинков в своих «Воспоминаниях» верно отражает черты мечущейся из стороны в сторону мелкобуржуазной среды. «С.-р. без бомбы уже не с.-р.». А начавшаяся массовая революция отмела единичный террор. «Савинковы» очутились на мели. Они революции без бомб не признавали. «Неожиданное выступление петербургских рабочих со священником во главе действительно давало иллюзию (!!!) начавшейся революции». Для них это была иллюзия. Только иллюзия. Почему? «Я плохо верил, — говорит Савинков, — в революционный подъем рабочих масс».

«Плохо верил...» А когда двенадцать лет спустя рабочие массы заставили его «хорошо поверить», он направил свое оружие против них, пошел с белыми, брал от западноевропейских демократов деньги на убийство Ленина...

Савинков посвятил свои «Воспоминания» первому эсэровскому периоду своей деятельности. С ними стоит познакомиться, их следует читать. Они освещают, поми-

мо воли автора, тот период, когда партия с.-р. еще не была той «ручной» партией, за спиной которой в момент революционного выступления масс пряталась вся черная реакция, но когда, несмотря на героизм отдельных лиц, все данные для того, чтобы стать таковой, уже были налицо. И не потому, что субъективно тот или другой член партии с.-р. собирался изменить рабочим массам, а по своей мелкобуржуазной сущности. «Рождённый ползать летать не может». Партия, не стоящая на почве революционного марксизма, партия, не сознающая исторической миссии пролетариата и потому не верящая в его революционность, могла героически бороться с самодержавием как врагом среды, интересы которой она защищала. Но в момент революции, когда со стороны пролетариата этой мелкобуржуазной среде грозила опасность, она должна была выявить свой подлинный облик. Истинные революционеры в лице М.А. Натансона, Устинова и других отшатнулись от нее и примкнули к коммунистическому движению, а партия с.-р. пошла к Колчакам, Деникиным, Юденичам.

С.-р. отшатнулись от Савинкова. Напрасно. Он лишь откровеннее и прямолинейнее. Но он с.-р., до мозга костей с.-р. Таким он выступает и в своих «Воспоминаниях», и это придает цену этим «Воспоминаниям».

*Феликс Кон**

* Феликс Яковлевич Кон (1864–1941) — революционер, член Польревкома, один из организаторов МОПРа, учёный-этнограф, редактор, публицист. Член Союза писателей СССР с 1934 года. Скончался 28 июля 1941 года во время эвакуации из Москвы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 УБИЙСТВО ПЛЕЗЕ

1

В начале 1902 года я был административным порядком сослан в город Вологду по делу санкт-петербургских социал-демократических групп «Социалист» и «Рабочее знамя». Социал-демократическая программа меня давно уже не удовлетворяла. Мне казалось, что она не отвечает условиям русской жизни: оставляет аграрный вопрос открытым. Кроме того, в вопросе террористической борьбы я склонялся к традициям «Народной воли».

В Вологду дважды — осенью 1902 г. и весной 1903 г. — приезжала Е.К. Брешковская. После свиданий с нею я примкнул к партии социалистов-революционеров, а после ареста Г.А. Гершуни (май 1903 г.) решил принять участие в терроре. К этому же решению, одновременно со мною, пришли двое моих товарищей, а также близкий мне с детства Иван Платонович Каляев, отбывавший тогда полицейский надзор в Ярославле.

В июне 1903 г. я бежал за границу. Я приехал в Архангельск и, оставив свой чемодан на вокзале, явился по данному мне в Вологде адресу. Я надеялся получить подробные указания, как и на каком пароходе можно уехать

в Норвегию. Из разговора выяснилось, что в тот же день через час отходит из Архангельска в норвежский порт Вардэ мурманский пароход «Император Николай I». У меня не было времени возвращаться на вокзал за вещами, и я, как был, без паспорта и вещей, незаметно прошел в каюту второго класса.

На пятые сутки пароход входил в Варангер-фиорд. Я подошел к младшему штурману.

— Я еду в Печенгу (последнее перед норвежской границей русское становище), но мне хотелось бы побывать в Вардэ. Можно это устроить?

Штурман внимательно посмотрел на меня.

— Вы что же, по рыбной части?

— По рыбной.

— Что же, конечно, можно. Почему же нельзя?

— У меня паспорта заграничного нет.

— Зачем вам паспорт? Сойдите на берег, переночуйте у нас, и на рассвете обратным рейсом в Печенгу. Только билет купите.

На следующий день показались маяки Вардэ. На пароход поднялись чиновники норвежской таможни. Я сошел в шлюпку и через четверть часа был уже на территории Норвегии. Из Вардэ, через Тронтгейм, Христианию и Антверпен я приехал в Женеву.

В Женеве я познакомился с Михаилом Рафаиловичем Гоцем. Невысокого роста, худощавый, с черной вьющейся бородой и бледным лицом, он останавливал на себе внимание своими юношескими, горячими и живыми глазами. Увидев меня, он сказал:

— Вы хотите принять участие в терроре?

— Да.

— Только в терроре?

— Да.

— Почему же не в общей работе?

Я сказал, что террору придаю решающее значение, но что я в полном распоряжении Центрального комитета и готов работать в любом из партийных предприятий.

Гоц внимательно слушал. Наконец он сказал:

— Я еще не могу дать вам ответ. Подождите, — поживите в Женеве.

Тогда же я познакомился с Николаем Ивановичем Блиновым (убит в 1905 г. в Житомире, защищая во время погрома евреев) и Алексеем Дмитриевичем Покотиловым. Я знал, что оба они — бывшие студенты Киевского университета и близкие товарищи С.В. Балмашева, но я не знал, что они члены боевой организации. Покотилова я встречал еще в Петербурге в январе 1901 г. Он приехал в Петербург независимо от П.В. Карповича и даже не подозревая о приезде последнего, но с той же целью — убить Боголепова. В Петербурге он обратился за помощью в комитет группы «Социалист» и «Рабочее знамя». Мы отнесли к его просьбе с недоверием и в помощи отказали. Убийство министра народного просвещения казалось тогда нам ненужным и едва ли возможным. Покотилов после отказа не уехал из Петербурга. Он решил своими силами и на свой страх совершить покушение. Случайно Карпович предупредил его.

В августе в Женеву приехал один из товарищей. Он сообщил мне, что Каляев отбывает приговор (месяц тюремного заключения) в Ярославле и поэтому только поздней осенью выезжает за границу. Товарищ поселился со мною. Чтобы не обратить на себя внимание полиции, мы жили уединенно, в стороне от русской колонии.

Изредка посещала нас Брешковская.

Однажды днем, когда товарища не было дома, к нам в комнату вошел человек лет тридцати трех, очень полный, с широким, равнодушным, точно налитым камнем,

лицом, с большими карими глазами. Это был Евгений Филиппович Азеф. Он протянул мне руку, сел и сказал, лениво роняя слова:

— Мне сказали — вы хотите работать в терроре? Почему именно в терроре?

Я повторил ему то, что сказал раньше Гоцу. Я сказал также, что считаю убийство Плеве важнейшей задачей момента. Мой собеседник слушал всё так же лениво и не отвечал. Наконец он спросил:

— У вас есть товарищи?

Я назвал Каляева и еще двоих. Я сообщил их подробные биографии и дал характеристику каждому. Азеф выслушал молча и стал прощаться.

Он приходил к нам несколько раз, говорил мало и внимательно слушал. Однажды он сказал:

— Пора ехать в Россию. Уезжайте с товарищем куда-нибудь из Женевы, поживите где-нибудь в маленьком городке и проверьте, не следят ли за вами.

На следующий день мы уехали в Баден, во Фрейбург. Через две недели нас посетил Азеф и на этот раз впервые сообщил план покушения, не упоминая ни словом о личном составе организации. План состоял в следующем: было известно, что Плеве живет в здании Департамента полиции (Фонтанка, 16) и еженедельно ездит с докладом к царю, в Зимний дворец, в Царское Село или в Петергоф, смотря по времени года и по местопребыванию царя. Так как убить Плеве у него на дому, очевидно, было много труднее, чем на улице, то было решено учредить за ним постоянное наблюдение. Наблюдение это имело целью выяснить в точности день и час, маршрут и внешний вид выездов Плеве. По установлении этих данных предполагалось взорвать его карету на улице бомбой. При строгой охране министра для наблюдения необходимы были люди, по роду своих занятий целый день находящиеся на

улице, например газетчики, извозчики, торговцы вразнос и т. п. Было решено поэтому, что один товарищ купит пролётку и лошадь и устроится в Петербурге легковым извозчиком, а другой возьмет патент на продажу в разнос табачных изделий и, продавая на улице папиросы, будет следить за Плеве. Я должен был комбинировать собираемые ими сведения и, по возможности наблюдая сам, руководить наблюдением.

План этот принадлежал целиком Азефу и был чрезвычайно прост. Но именно своей простотой он давал нам преимущество перед полицией. Уличное наблюдение никогда не применялось революционерами не только в период Гершуни, но и во времена «Народной воли», если не считать приготовлений к первому марта 1881 г. Полиция едва ли могла предположить, что члены боевой организации ездят по Петербургу извозчиками или торгуют вразнос. Между тем систематическое наблюдение неизбежно приводило к убийству Плеве на улице. Кончая со мной разговор, Азеф сказал с убеждением:

— Если не будет провокации, Плеве будет убит.

Из Фрейбурга один из товарищей, взяв с собой гремучую ртуть, через Александрово уехал в Россию. У меня не было паспорта, и я должен был получить его в Кракове. Я поехал в Краков через Берлин, и в Берлине встретился снова с Азефом и только что приехавшим из России Каляевым.

Мы сидели втроем на Leipziger strabe в одном из больших берлинских кафе. Каляев горячо говорил о терроре, о своем непременном желании участвовать в деле Плеве, о психической невозможности для себя мирной работы. Азеф лениво слушал. Когда Каляев умолк, он равнодушно сказал:

— Нам не нужны сейчас люди. Поезжайте в Женеву. Может быть, мы потом и вызовем вас.